ПОВЕСТЬ

Четвёртый удар

Между третьим и четвёртым ударом прошла целая человеческая жизнь.

Varpunen

ЧЕТВЕРТЫЙ УДАР

«Автор»
2026

Varpunen

ЧЕТВЕРТЫЙ УДАР / Varpunen — «Автор», 2026

Шестьдесят один год Андрей не возвращался в родной город. В старой книге рекордов по-прежнему стоит имя его друга и число 19. Всего одного очка, как он верил, не хватило Мите в самой важной партии его жизни.Когда-то они мечтали увидеть Африку, собирали морские камешки и спорили, кто первым наберёт двадцать очков. Но в оккупированном Каменном Мысу детская игра стала испытанием, в котором на кону оказались человеческие жизни. В тот день Андрей не сдержал обещания, данного другу. Теперь ему предстоит узнать, что осталось за пределами его воспоминаний.«Четвёртый удар» — повесть о дружбе, цене одного решения и о том, как короткая человеческая жизнь может продолжаться в судьбах других людей

© Varpunen, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава I. Возвращение 5
Глава II. Город четырёх углов 9
Глава III. Когда мы увидим Африку 13
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Varpunen
ЧЕТВЕРТЫЙ УДАР

Глава I. Возвращение

В сентябре вода в Каменном Мысу становилась прозрачнее, чем в июле. Из окна автобуса Андрей Сергеевич различал длинные светлые полосы песка далеко от берега. В детстве он принимал их за дороги: если бы можно было пройти по такой дороге под водой, не пришлось бы ни у кого просить лодку.

Автобус спускался с перевала. На поворотах в багажном отделении что-то перекатывалось с глухим стуком. Женщина напротив вязала носок; мальчик у окна тёр стекло рукавом, и след ладони становился всё больше. Водитель подпевал радио. До остановки оставалось минут пять. Андрей Сергеевич не был здесь шестьдесят один год.

Он достал из внутреннего кармана письмо. Бумага успела протереться на сгибах.

«Уважаемый Андрей Сергеевич! Мы готовим историю Каменного Мыса к столетию городской пристани. В архиве сохранились списки участников довоенных состязаний в углы. Ваше имя встречается неоднократно. Если у Вас есть возможность приехать или поделиться воспоминаниями, будем чрезвычайно благодарны».

Ниже стояла подпись: заведующая краеведческим музеем И. Н. Белова. Слово «неоднократно» было напечатано чуть бледнее остальных.

В первый день Андрей Сергеевич положил письмо под телефон. На второй убрал в ящик письменного стола. На третий позвонил дочери и спросил, не знает ли она, как теперь добираться до Крыма. Дочь, привыкшая к его самостоятельности, спросила только, когда покупать билеты. Он ещё ничего не решил.

Тогда она приехала вечером, открыла шкаф и сняла с антресолей его старый дорожный чемодан.

Дочь заметила, что не ехать можно и с купленным билетом.

Он рассмеялся. С тех пор как умерла Нина, дочь всё чаще напоминала ему жену — не голосом и не словами, а тем, как решительно устраивала самые обыкновенные дела, на которые он тратил слишком много душевных сил.

Автобус остановился возле двух высоких тополей. Будка мороженщика и третий тополь исчезли. На их месте торговали телефонами и пластиковыми вёдрами. Андрей Сергеевич дождался, пока все выйдут, и только тогда заметил, что до сих пор держит письмо в руке.

Водитель окликнул его. Андрей Сергеевич убрал письмо, подхватил чемодан и, ощутив на последней ступеньке знакомую боль в колене, вышел на площадь.

Моря отсюда видно не было. Но пахло им.

* * *

Комнату, которую ему сняла дочь, сдавала женщина лет пятидесяти в зелёном халате. Её звали Валентина. У неё был большой чёрный кот по имени Чайка, что Андрей Сергеевич счёл причудой, достойной именно этого города. Валентина показала ему выключатель, объяснила, как пользоваться газовой колонкой, и спросила, приехал ли он лечить суставы.

Он ответил уклончиво. Валентина принялась советовать ему, как купаться: пенсионеры, по её наблюдениям, делались молодыми ровно до той минуты, когда пора было выходить из воды.

Он открыл чемодан. Сверху лежали две рубашки, тёплая кофта, таблетки в бумажном пакете и деревянная коробочка с латунными накладками по углам. Нина купила её на рынке в

Риге, когда они были ещё молодыми. Продавец уверял, что прежде в ней хранились шахматы. На дне и в самом деле сохранились круглые углубления, но ни одной фигуры не было.

Валентина, заглянув в дверь, приняла коробочку за шкатулку для драгоценностей. Андрей Сергеевич поднял крышку. Внутри лежали плоский чёрный камешек, несколько белых, рыжеватый с порами, обкатанная морем крупинка зелёного стекла. Под некоторыми — сложенные вчетверо листочки. Хозяйка спросила, не собирает ли он их для аквариума. Убедившись, что аквариума не будет, ушла на кухню.

Вскоре Валентина позвала его пить чай с инжирным вареньем. Он взял одну ложечку, потом другую. В детстве Инжировой называлась улица, по которой из их дома можно было добежать до моря, минуя площадь. Деревьев там, кажется, уже не осталось; варенье пахло по-прежнему.

После чая он достал трость — недавнее приобретение, с которым ещё не успел свыкнуться, — и пошёл гулять.

Узнавал он улицы не по названиям, а по отдельным предметам. Вот карниз, на котором когда-то гнездились ласточки; вот пара ступенек перед заложенной дверью; вот чугунная решётка, в которой возле земли не хватало прута. Андрей Сергеевич остановился у неё. Решётку несколько раз перекрашивали, теперь она была голубой. Он помнил её чёрной. Мальчиком он пролезал через неё целиком.

За воротами теперь стоял автомобиль.

Он продолжал спускаться. Где-то внизу дети шумно выясняли, закончился ли бросок.

И почти сразу — знакомый сухой стук.

Ток.

Он остановился.

Ток. Ток.

Двое мальчиков и девочка стояли у низкой бетонной тумбы. На трёх её углах ничего не было, на четвёртом лежал серый камешек. Белый камень, которым бросал один из мальчиков, описал короткую дугу, покрутился на ребре и упал набок.

Девочка объявила три очка. Мальчик с вихром, стоявшим на ветру почти вертикально, наклонился за сбитыми мишенями и заметил наблюдателя. Он предложил научить старика играть: ничего, мол, трудного. Андрей Сергеевич опёрся на трость обеими руками. Ему хотелось отвернуться, но он заметил, как мальчик взял белую гальку, и посоветовал её перевернуть. Мальчик послушался, расставил мишени и повторил бросок. На этот раз сбил две.

— Как-нибудь в другой раз, — ответил Андрей Сергеевич на повторное приглашение и ушёл прежде, чем мальчик успел возразить.

До моря оставалось шагов пятьдесят. Андрей Сергеевич сел на парапет, положил трость поперёк коленей и стал смотреть на воду. Вдоль волн неслась чайка. Рыбак вытаскивал на берег маленькую лодку, подсовывая под неё обрезок круглого бревна. Было слышно, как внутри лодки постукивает металлическое ведро.

Никто из этих людей не знал его. И ему вдруг стало неловко за свою тайную уверенность, будто город должен был измениться от одного его возвращения.

* * *

Краеведческий музей занимал две комнаты на втором этаже бывшей портовой конторы. В первой были выставлены находки с морского дна: амфоры, якорные лапы, кусок цепи, зелёный от времени медный чайник. Во второй висели фотографии. Люди смотрели с них с серьёзностью людей, которым приходилось долго сидеть неподвижно перед старым фотоаппаратом. Между рядами снимков поместили увеличенный план пристани.

Ирина Николаевна Белова оказалась невысокой женщиной в очках на красном шнурке. Она несла две чашки и придерживала локтем папку, из которой норовил выскользнуть лист бумаги. При виде гостя папка всё-таки раскрылась; Андрей Сергеевич помог подобрать листы.

Письмо отправили на старый адрес, и Белова удивлялась, что оно дошло. Он объяснил, что живёт там больше тридцати лет. Выяснилось также, что нынешняя третья школа в его детстве была единственной в городе.

Она показала ему папку с копиями, где перечислялись участники летних состязаний тридцать девятого и сорокового годов. Он узнал свою фамилию, фамилию соседа Петьки Коса, ещё четыре или пять. Возле одного имени стояла отметка «вне возраста». Андрей Сергеевич засмеялся.

Он объяснил Беловой, что запись относилась не к годам Кости, а к его росту: судьи не допускали низкорослого шестнадцатилетнего подростка к большому столу. Белова записала это в блокнот, и Андрей Сергеевич заметил, как аккуратно она отделила услышанное от того, что имелось в архиве.

Спросив о старой книге рекордов, он узнал, что та находится у нынешнего хозяина чайной, внизу у бывшей рыбной артели. Сдавать её в музей Семён отказывался, уверяя, что книга живая и под стеклом делать ей нечего.

Он допил чай, пообещал прийти ещё, но, к огорчению Беловой, не позволил включить приготовленный на столе диктофон.

Ему сперва нужно было привыкнуть к городу. Он попросил план улиц и, уже стоя в дверях, уточнил, можно ли взять его на несколько дней.

* * *

В чайной у моря пекли хачапури, подавали кофе и выставляли на подоконники пустые бутылки из-под вина, в которых стояли ветки розмарина. Над стойкой висела вывеска «У Захара». Две последние буквы были новее остальных.

Захар приходился хозяину чайной прадедом. Услышав, что нужно посетителю, Семён снял с полки толстую книгу в чёрном переплёте. Вдоль корешка были наклеены две полосы кожи; один угол обгорел. Семён предупредил, что перелистывать страницы можно, писать на них — нет: отдыхающие иной раз принимали книгу за альбом для автографов.

Андрей Сергеевич открыл книгу. На первых страницах чернила ушли почти в коричневый цвет. Между фамилиями встречались рисунки: рыба, похожая на сапог, лодка, человечек с огромным носом. Книга пережила сырость и пожар; несколько листов были подклеены газетной бумагой. Он знал, где искать, но листал медленно, ещё надеясь, что нужная страница не сохранилась.

Она сохранилась.

Чёрная запись, выведенная непривычно аккуратным почерком: «Д. Орлов, 19». Рядом стояла дата — 17 октября 1943 года. В графе для свидетелей значилось одно имя: «Ф. Вебер». Под ним знакомым неровным почерком Захара было добавлено: «По объявленному результату».

Приписку Андрей Сергеевич прочитал не сразу. Её смысл ускользал от него, как ускользал и прежде. Он смотрел на число.

Семён рассказал, что мальчишки до сих пор спорят об этих девятнадцати очках. Никто после Орлова и такого результата не повторял на официальных состязаниях. Семён слышал от деда, что игрок погиб во время войны: жаль, мол, такой талант был.

Андрей Сергеевич едва не поправил хозяина. Не талант был, а мальчик, который не любил варёный лук, наступал босой пяткой на собачьи следы в пыли и умел свистеть, держа между зубами персиковую косточку. Но Семён говорил то, что принято говорить о человеке, которого не довелось знать.

Он закрыл тетрадь.

Андрей Сергеевич поблагодарил хозяина, отказался от кофе и взял трость. Семён, заметив его состояние, спросил, знал ли он погибшего.

— Мы вместе играли.

На улице начало темнеть. Из чайной за его спиной вынесли стул, и ножка стукнула о камень. Он вздрогнул, а затем пошёл медленно вверх по улице. Ему казалось, что до дома Валентины очень далеко. Гораздо дальше, чем было утром.

В комнате он не стал включать свет. Открыл окно, сел на кровать. С улицы донёсся голос ребёнка, звавшего кого-то ужинать. Андрей Сергеевич снял очки и протёр их полой рубашки.

Ветер надул занавеску, как парус. Он вспомнил ящик из-под апельсинов, который море выбросило на берег, и Митю, вскочившего на его мокрые доски. Корабль, объявил тогда Митя, у них наконец есть.

Глава II. Город четырёх углов

Апельсинов в ящике не оказалось. Одна его стенка была выломана, а из щели росла тонкая морская трава. Но на боку ещё можно было разобрать синюю надпись на незнакомом языке. Митя перевернул находку, осмотрел её со всех сторон и постановил, что ящик прибыл из страны, где никогда не бывает зимы.

Андрей усомнился в его рассуждении: апельсины зимой бывали и у тёти Сони в лавке. Митя с презрением объяснил, что в лавку их привозят.

Они поставили ящик на две дощечки и толкнули к воде. На борту своего судна Митя углём написал «Ласточка». Андрей был назначен механиком, хотя у судна не имелось ни двигателя, ни руля. Через пять минут «Ласточка» перевернулась, дощечки ушли в море, и механик был обвинён в халатности.

Было лето сорокового года. Обоим мальчикам исполнилось десять; оба считали, что тут вышла какая-то досадная ошибка: по внутреннему ощущению им было не меньше шестнадцати. До конца каникул оставалось двадцать семь дней. Митя пересчитывал их всякий раз, когда дед напоминал ему о прописи, но на берегу забывал про счёт.

Каменный Мыс располагался между двумя невысокими горами. Нижние улицы сходились к пристани, верхние — к старой водонапорной башне. В жару башня заслоняла солнце от нескольких домов, и женщины приносили туда табуретки, чтобы перебрать фасоль. Каждый, идущий за водой, непременно должен был ответить на два или три вопроса, иначе женщины объявляли его гордецом.

По утрам из пекарни Григория Аркадьевича тянуло хлебом. К полудню нагревались камни, на верёвках у рыбного склада сохла рыба; к вечеру ветер приносил сыроватый запах виноградных листьев и водорослей. Возле конюшни пахло иначе, поэтому к морю мальчики бегали дальней дорогой, если не опаздывали.

Андрей жил с матерью на Инжировой улице. Его отец, механик на грузовом пароходе, умер после несчастного случая в порту, когда сыну было шесть. От него остались круглый чёрный компас, несколько фотографий и большая рукавица с обугленным краем, которой мать почему-то никогда не выбрасывала. Мария Сергеевна шила на дому и работала два дня в неделю в артельной мастерской. Сыну она запрещала лишь три вещи: плавать за волнорезом, брать деньги из её кошелька без спроса и лгать, когда неприятность уже случилась. Андрей находил последнее правило самым неудобным.

Митя жил тремя домами выше с дедом Павлом, который уже редко выходил в море. Его мать умерла, когда он был совсем маленьким, отец работал на материке, присылал письма с рисунками пароходов и появлялся дома нечасто. Дед любил внука, но считал неприличным давать это понять при посторонних. Если Митя приносил пятёрку, дед ворчал, что пятёрку не съешь; если четвёрку — что на судне за неверно завязанный узел никто отметок не ставит. Зато по воскресеньям неизменно покупал ему пирожок с абрикосами и отдавал свой, уверяя, что продавщица положила лишний.

На берегу после гибели «Ласточки» мальчики долго спорили, кто виноват. Наконец Андрей предложил решить дело на углах.

На песке Митя подобрал мокрый белый камешек.

На рыхлом берегу играть было нельзя, и они перебрались к рыбному складу.

У склада стоял короб для сетей. Его крышка была почти квадратной. Митя вытер её рукавом; Андрей подобрал четыре небольших камня и положил по углам, недалеко от края.

Так играли почти все в Каменном Мысу. Взрослые — на столиках у чайной, рыбаки — на ящиках, дети — на ступенях и плоских крышках тумб. На большой плите обводили мелом небольшой квадрат: мишень считалась сбитой, если её середина пересекала линию. У

каждого места был свой характер. На гладком дереве камень скользил охотнее, на известняке подпрыгивал, на выщербленной крышке мог свернуть совсем не туда, куда рассчитывал игрок.

Как именно возникли углы, никто не знал. Захар, хозяин чайной, утверждал, что игру завезли моряки из Греции. Старый грек Николай с этим не соглашался и говорил, что в Греции не хватило бы терпения целых пять раз раскладывать камни. Дед Павел полагал, что углы придумал рыбак, которого жена не выпускала в море из-за шторма. По его мнению, почти все бесполезные занятия на свете были придуманы рыбаками, которых не выпускали в море.

Правил было немного. Четыре мишени ставили по углам; в партии каждому полагалось пять попыток. Пятый, бросковый камень пускали низко, почти вдоль игровой поверхности, с отмеченного места. За каждую мишень, сбитую за край или за меловую черту непосредственным ударом этого камня, давали очко. Если одна мишень толкала другую, вторая не считалась. Дождавшись, пока все камни остановятся, мишени расставляли заново. При равном результате бросали по очереди ещё раз — до первого преимущества.

Для мишеней годилась достаточно тяжёлая устойчивая галька: её клали близко к краю, чтобы косого удара хватило для падения. Бросковый камешек обычно был меньше и легче, твёрдый, с округлыми рёбрами. От лобового столкновения он терял ход; при косом мог свернуть к соседнему углу. Многое зависело от поверхности и от того, каким боком камешек развернётся после удара. На коротком гладком квадрате скорости иногда хватало на несколько столкновений; на шершавой плите камень чаще останавливался раньше. Поэтому на большой крышке опытные игроки не ленились чертить квадрат поменьше. Удачный бросок на одном столе на другом мог закончиться первым ударом.

Андрей бросил первым. Камешек проскользнул по крышке, задел дальнюю мишень, выкрутился влево и сбил другую. Два.

Андрей посоветовал Мите вытереть мокрую гальку.

Митя протёр белый камень о штаны. Он был не круглый и не совсем плоский, а похожий на расплющенное яйцо, с узким выступом на одном конце. Митя долго примеривался, прищурившись. Потом пустил его почти вдоль поверхности.

Первый удар был негромким. Второй прозвучал отчётливее. Камень скользнул вдоль края, задел третью мишень и подскочил, переворачиваясь. Андрей уже открыл рот, чтобы сосчитать очки. Но белый камешек опустился на ребро, покатился по дереву и коснулся последней мишени. Та качнулась, секунду постояла на самом краю и упала.

Мальчики замерли.

— Четыре, — прошептал Митя.

Андрей схватил его за плечи. Ему хотелось убедиться, что друг видел то же самое, хотя именно Митя и бросал.

Они бегали вокруг короба, пока кладовщик не вышел и не пригрозил обоим мокрой сетью. Митя повторил бросок с того же места. Сбил одну мишень. В третий раз — две. Андрей немедленно заключил, что первая четвёрка была случайностью, и предложил обменять белый камень на складной нож без одного лезвия.

Митя отказался; он решил, что отсутствие ножа не причинит ему особенного вреда.

В дождливые дни мальчики играли на столе у Андрея, пока Мария Сергеевна была в мастерской. Однажды она нашла на крышке белые царапины. Андрей притворился, что никогда их прежде не видел. На другой день Митя принёс обрезок доски, положил на два табурета во дворе и до самого вечера не заходил в дом. Андрея это раздражало: на доске играть было неудобно. Но вечером он всё-таки признался матери, отчего испорчен стол. Она дала ему кусок старой клеёнки и попросила убирать доску с дождя.

После первой четвёрки они целую неделю носили белый камешек по городу и показывали всем, кто соглашался посмотреть. Один говорил, что играли не по правилам, другой — что короб был наклонён, третий — что камень подтолкнуло ветром. Дед Павел попросил внука

повторить бросок. Когда в седьмой раз ничего не получилось, он поднял белую гальку, посмотрел на неё против света и вернул Мите.

Дед посоветовал внуку не терять находку: рыба тоже не слушается рыбака, но это не повод выбрасывать удочку.

* * *

Раз в месяц, в воскресенье после рыночного дня, в чайной Захара устраивали состязания. На площади сдвигали столы, а самых маленьких допускали к столикам пониже. На крышках отмечали мелом углы и место броска. Для состязаний оставляли одинаковые наборы мишеней, по которым судья проверял разметку; бросковые камни позволяли приносить свои. Старики почему-то называли их мячами.

Захар был толст, носил круглую шапочку и считал своё заведение самой важной городской организацией после пекарни. В чайной можно было сыграть в шашки, выпить стакан чая и узнать, где находится пропавший муж или кто продал на рынке тухлую селёдку. Над дверью висел корабельный колокол, подаренный когда-то моряками. Внутри стояла полка, где хранилась чёрная книга.

Захар доставал её только после серьёзных состязаний. В неё записывали лучшие результаты, фамилию игрока, дату и имена свидетелей. Рекорд принадлежал Фёдору Бегуну, бывшему грузчику, который в тридцать втором году набрал восемнадцать. Два года спустя его пригласили ещё раз, однако он набрал всего семь и с тех пор объявлял, что официальные столы испорчены.

Восемнадцать из двадцати казались Мите странным пределом. Захар посмеивался над его уверенностью, что недостающие два очка можно просто взять, если как следует захотеть. Он обещал занести двадцать в книгу, когда явится человек, сумевший их заработать.

Андрей не сомневался, что однажды рядом с числом двадцать появится его имя. Он даже выводил фамилию Ковалёв на обрывках газеты, подражая Захару. Ему было досадно, что в ней всего семь букв: если бы было семнадцать, запись выглядела бы солиднее. Митя этим вопросом совсем не занимался, за что поплатился: Андрей перестал показывать ему свои упражнения.

В одном из первых состязаний, куда их допустили, Андрей набрал девять, Митя — одиннадцать, а долговязый Петька Кос — тринадцать. Петька получил бумажный кулёк конфет и немедленно заявил, что больше не желает играть с детьми. Тогда девочка по имени Ася, дочь пекаря, попросила его показать, как надо бросать. Петька сбил ноль. Все засмеялись, включая Асю. После этого он заявил, что конфеты разочаровали его качеством.

Старый Николай, судивший следующую партию, подозвал мальчиков к столу. Андрей уже успел объявить очко, хотя мишень оставалась на краю. Николай показал, в чём ошибка: он положил камешек так, что тот застрял в щепке, и постучал ногтем по крышке. Камешек сорвался. От стука по столу, объяснил старик, попадание не получается. Если же мишень сдвинулась от удара и ещё качается, следует подождать.

— Никогда не считайте, пока бросковый камень движется.

Он показал, почему до полной остановки нельзя касаться и самого стола. Митя запомнил это сразу. Андрей, которому хотелось не слушать правила, а бросать, попросил разрешения попробовать. По совету друга он выбрал камень с округлым краем, хотя сперва предпочитал другой, и набрал три. Митя так закричал, что Николай пригрозил выставить их на улицу.

Вечером, когда они возвращались домой, город был розовым от заката. На Инжировой кто-то играл на баяне. Дед Павел уже зажёг лампу и возился у окна с поплавками. Мария Сергеевна окликнула Андрея, но тот попросил ещё минуту.

Андрей предложил угостить того, кто первым наберёт двадцать, самым дорогим мороженым в городе. Митя настоял на двух порциях: одна, по его расчётам, успеет растаять по дороге. Они ударили по рукам.

— Только надо, чтобы второй видел. Иначе не считается.

Андрей вбежал во двор. Митя задержался ещё на минуту и поднял с земли гладкий тёмный камень. Он покрутил находку в пальцах, положил в карман и побежал домой. Денёк ему казался удачным. До школы оставалось двадцать шесть дней, до обещанного мороженого — сколько угодно.

Глава III. Когда мы увидим Африку

В школе им показывали фильм о тропических странах. Киномеханик опоздал, белое полотно провисло, в зале было душно, и на экране жираф, наклонивший голову к воде, оказался со складкой поперёк шеи. Митя немедленно решил, что это самое удивительное животное на свете.

До Инжировой Митя изображал жирафа, расставляя ноги, как у раздвинутой табуретки. Он вычислял, сколько времени понадобится, чтобы чих добрался по длинной шее до носа; Андрей смеялся так, что заболело в боку. У калитки решили, что непременно поедут в Африку. Митя будет капитаном, Андрей — механиком, как на злополучной «Ласточке». Турция, напомнил Андрей, лежит прямо за горизонтом. Значит, надо взять немного правее, решил Митя.

Осенью их школа получила несколько новых книг. Среди них был потрёпанный географический атлас с цветными картами. Африка занимала в нём почти целый разворот. Учительница, заметив интерес Мити, разрешила ему взять атлас домой на выходные. Он явился к Андрею с карандашом и тетрадью, в которой уже была нарисована стрелка, направленная от Каменного Мыса к Гибралтару.

Андрей предлагал более короткий путь через Египет. В воображении Мити там, к огорчению будущего путешественника, обитали одни верблюды.

Они спорили долго, пока Мария Сергеевна не накрыла стол и не сообщила, что Африка без них до завтра не уплывёт. Тогда Митя представил, как они будут приставать к чужим берегам, выходить в чистых рубашках на трап, а в каждой стране первым делом подбирать красивый камешек. Когда состарятся, выложат камни в ряд и по ним вспомнят всё путешествие.

Из каждой страны решено было брать по одному камешку, иначе корабль не выдержит. Митя собирался прожить сто двадцать лет, о чём уже уведомил деда, и хотел помнить каждое путешествие.

Мария Сергеевна, ставя на стол тарелку с печёной картошкой, сказала, что для ста двадцати лет нужно прежде научиться завязывать шнурки. Митя посмотрел под стол, обнаружил распустившийся ботинок и, нимало не смутившись, объявил, что капитаны в Африке ходят босиком.

* * *

Весной сорок первого года Ася принесла на берег живого краба в стеклянной банке. Она собиралась показать его мальчикам, а потом вернуть в море. Андрей сказал, что краб маленький и интереса не представляет. Митя потребовал немедленно выпустить пленника. Ася уселась на тёплую плиту и поставила банку между ними.

— А вы сами поживите в банке, — предложила Ася.

Митя заглянул внутрь. Краб, приподняв клешню, выглядел оскорблённым. Они отнесли его к воде. Там обнаружилось, что камни скользкие, Ася поскользнулась и Андрей, пытаясь удержать её, сам свалился в воду. Митя протянул руку обоим, получил банкой по колену и тоже упал. Домой они возвращались мокрыми до пояса, совершенно счастливыми; краб был выпущен на свободу значительно дальше от берега, чем предполагалось.

С тех пор Ася иногда приходила смотреть, как мальчики играют в углы. Она вела собственный счёт. Когда выигрывал Андрей, она хвалила Андрея; когда Митя — Митю. Андрей находил её манеру невыносимой. Он стал приходить к столу раньше друга и тренироваться один.

К началу лета Андрей сбивал три мишени увереннее, чем год назад. После третьего столкновения камень иной раз направлялся к четвёртой, и Андрей уже видел, как та падает, хотя она ещё стояла. Он подавался вперёд, сжимал кулак, словно можно было усилием руки

продолжить движение выпущенного камня. Однажды он даже дунул на стол. За этим занятием его застала Ася.

Она пошутила, что четвёртый камень, видимо, боится щекотки. Сказала без злости и тут же показала ему пластырь на колене, оставшийся после попытки кормить с руки соседскую кошку. Андрей всё равно ушёл, не попрощавшись.

На следующий день Митя нашёл его возле водяной башни.

Он звал Андрея на новый стол за мастерской. Услышав отказ, сел рядом и принялся отколупывать известь от стены. Андрей сердился: друга, казалось, вовсе не занимало его дурное настроение. Когда Митя спросил, не болит ли у него зуб, терпение кончилось.

— Ты нарочно, что ли, при Аське всегда хорошо кидаешь?

Митя удивился, а потом рассмеялся: выходило, что наедине с Андреем он нарочно кидает плохо. От его смеха стало ещё обиднее.

Андрей отвернулся. Он хотел заставить Митю почувствовать себя виноватым и злился ещё и оттого, что тот ничего дурного не сделал. В сущности, Андрей не пожелал бы даже, чтобы друг поддался ему: нет ничего унизительнее победы по чужой милости.

Митя предложил ему белую гальку для тренировки. Андрей взял её; она была тёплая от чужого кармана. Друг просил только не бросать её в море, если ничего не получится, и ни в коем случае не ставить на кон. Ведь это не деньги.

Они спустились к рыбному складу. К вечеру Андрей сбил три мишени одним броском, следующим — ещё три, затем — две. Ни одной четвёрки. Но Митя стоял рядом, терпеливо собирал мишени и не заглядывал на улицу, хотя оттуда слышался голос Аси.

На следующий день Андрей вернул белый камешек. Он перестал надеяться, что у Мити имеется особая галька, без которой тот ничего не умеет. От этого ему стало одновременно легче и тяжелее.

* * *

Как-то Ася принесла Андрею книжку о путешествиях. На обложке был нарисован парусник, а самый интересный, по её мнению, эпизод случался вовсе не на корабле, а на берегу. Андрей обещал прочитать.

Она предупредила, что книгу подарил отец и загибать углы страниц нельзя. Андрей прочитал несколько страниц и положил её на подоконник. Митя хотел прежде всего разыскать главу про Африку. Ася, уставшая от их географии, посоветовала им сначала читать, а потом уже открывать новые земли. Она собиралась стать врачом и вовсе не намеревалась отправляться с ними на пароходе. Что у Аси могут быть собственные планы на будущее, мальчикам прежде в голову не приходило.

Ася завела у себя маленькую тетрадь, куда записывала названия растений и приклеивала засушенные листья. Весной она заставила Андрея вымыть руки, прежде чем перевязала ему порез, а Митю отослала за водой. Он вернулся с целым чайником, который по дороге едва не утопил. Когда отец спросил, куда исчез чайник, Ася без запинки сообщила, что тот служил медицине. У Андрея на пальце остался маленький рубец. Ася каждый раз интересовалась, не болит ли, даже когда от пореза давно не осталось ничего, кроме светлой полоски. Ей нравилось доводить начатое до конца.

В июне состоялись большие летние состязания. По площади натянули флажки, пекарь испёк пироги, возле чайной поставили три стола с одинаковой разметкой. Столяр Семён Ильич потратил целое утро, добиваясь, чтобы столы не качались, и пригрозил сбросить в море всякого, кто станет подкладывать что-нибудь под ножки.

Митю впервые допустили к старшей группе. Он волновался, хотя старался не показывать этого. Андрей придумал, как поможет другу: проверит положение мишеней по разметке, отметит, куда двигается каждый камень, и будет вести счёт. Они условились, что в ответ на вопрос о числе очков Андрей покажет пальцы, чтобы не отвлекать Митю громкими криками.

Первый бросок принёс Мите два очка. Второй — три. Третий и четвёртый удались на четыре. До прежнего рекорда оставалось пять очков: последним броском уже было не сравнять его.

Андрей решил, что теперь ничего не выйдет. Митя, однако, не видел причины отказываться от последней попытки; он покатал гальку между пальцами и сделал четвёрку. Семнадцать.

Чайная загудела. Захар записал результат, дед Павел сдержанно похлопал внука по плечу и отправился за пирожками. Ася побежала к столу. Андрей замешкался. Он вдруг понял, что очень хотел бы оказаться там, куда она бежит. Через мгновение Митя схватил его за руку и поднял обе руки над головой, будто они выиграли первенство вместе.

— Семнадцать! Андрюх, мы семнадцать сделали!

Андрей невольно улыбнулся.

После соревнований друзья сели на своё место у волнореза. На коленях у них лежало по бумажному кульку с пирожками. Митя вытащил из кармана тёмный камешек с белой полосой, подобранный прошлым летом.

Они долго спорили, на что похожа белая полоска камня. Андрей видел дорогу, Митя — шею жирафа. Митя предложил, чтобы первый набравший двадцать принёс в чайную свой бросковый камешек, а второй расписался в книге свидетелем, даже если будет страшно завидовать. Это устроило обоих.

На дороге Митя затеял ещё один спор: если один из них получит двадцать, а деньги к тому времени у обоих кончатся, кому придётся расплачиваться за мороженое? Решить этот вопрос оказалось значительно труднее.

В воскресенье после состязаний Ася позвала их в пекарню. Отец согласился дать ей немного теста, и она задумала испечь из него зверей. Андрей слепил нечто похожее на рыбу, Митя, разумеется, занялся жирафом. Он долго прилаживал к туловищу длинную шею, однако та всё время опускалась на противень. Ася предложила подпереть её кусочком теста. Мальчик отказался: тогда у животного получилось бы пять ног. Пекарь, наблюдавший за ними, ничего не сказал и принёс ещё одну горсть муки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.